

Пролог

— Сегодня, — начал свою речь президент Соединенных Штатов, — глядя в небеса, мы теряемся в догадках и задаемся множеством вопросов.

«Мягко говоря», — подумал Мэтт Уилер.

Он взглянул в серьезное лицо президента, окруженное голубоватой аурой телеэкрана. Как обычно бывает с президентами, после избрания он заметно постарел. За последние две недели, как показалось Мэтту, — особенно.

Мэтт прибавил громкость и открыл двери патио.

В гостиную хлынул холодный воздух. Включился термостат, теплый пол начал нагреваться. Президент брал продолжительные паузы, во время которых отчетливо слышался монотонный гул горячего металла.

Снаружи было холодно, однако ночное небо прояснилось впервые за этот дождливый март. Мэтту наконец удалось лицезреть явление, почти неделю повергавшее в ужас весь мир. Конечно, он видел его на фотографиях и на своем девятнадцатидюймовом «Сони». Но одно дело — видеть это по телевизору, и совсем другое — на собственном дворе. В Орегоне, в небе над Бьюкененом — безлунном, темном, с яркими россыпями звезд.

Он взглянул на часы. Пять минут одиннадцатого. На востоке, в столице, был уже второй час ночи. Президент выступил несколько часов назад. Во время прямого эфира дочь Мэтта Рэй-

чел была на репетиции оркестра... разучивала марши Сузы¹, пока президент объявлял о событии, которое могло предвещать конец света. Мэтт записал речь от начала до конца. Все каналы повторяли отрывки в начале каждого часа, но Мэтт решил, что дочь должна посмотреть обращение целиком. Особенно в этот день. Пока небо ясное.

Мэтт поспешил вернуться в дом, в свое теплое укрытие.

— Рэйчел? Милая, пора выходить!

После ужина Рэйчел заперлась в своей комнате, перебирая фотокарточки в семейном альбоме. Всякий раз, приходя в плохое настроение, Рэйчел раскладывала старые снимки на покрывале, разглядывала их и складывала обратно в альбом из искусственной кожи, в известной только ей последовательности. Мэтт никогда не мешал, хотя и беспокоился, когда дочь вот так скрывалась в прошлом, раскладывая перед собой семейную историю, как карту, в поисках поворота, на котором она сбилась с курса.

Но этот ритуал успокаивал ее, и Мэтт не хотел лишать дочь ни минуты, проведенной в покое. Когда умерла Селеста, Рэйчел было семь, и Мэтт рассчитывал, что воспоминания о матери, пусть и грустные, помогут ей продержаться в эти трудные дни. Надеялся.

Она вышла из комнаты, одетая ко сну — ночнушка и розовый фланелевый халат. Удобная одежда. Рэйчел уже исполнилось шестнадцать, и Мэтт порой удивлялся тому, как быстро она выросла. Все родители чувствуют то же самое, но Мэтту казалось, что дочь повзрослела в мгновение ока. Впрочем, в этот день было иначе. В этот день, облаченная в старенький халат, она выглядела на двенадцать. Ее глаза были затуманены, во взгляде, похоже, читалась легкая обида. Быть может, она снова ощущала себя двенадцатилетней и как бы говорила: «Не ставляй меня смотреть на это. Я еще маленькая».

¹ *Джон Филип Суза* — американский композитор и дирижер, автор множества маршей для духового оркестра, самый известный из которых, «The Stars and Stripes Forever», стал национальным маршем США. — *Здесь и далее примеч. переводчика.*

Они вместе вышли на улицу.

— Впервые в истории человечества, — говорил президент, — нам светит новая луна.

— Какое огромное небо, — заметила Рэйчел.

«Больше, чем казалось прежде, — мысленно согласился Мэтт. — И враждебнее». Но произнести это вслух он не мог.

— Красивая ночь.

— Холодно, — поежилась дочь.

Дом стоял на вершине холма. Мэтту всегда нравился вид, открывавшийся со склона. Он указал на восток, где над десятком темных крыш возвышался поросший пихтами хребет. Макушки деревьев будто цеплялись за звезды.

— Вон там должно быть видно.

— Многие из нас напуганы последними событиями, — вещал президент. — Мне докладывают о беспорядках и мародерстве. Возможно, это естественная реакция, но она не делает чести нашему обществу. Наш народ всегда был сильным и здравомыслящим. Мы стойко пережили Перл-Харбор и Булл-Ран¹, и отчаиваться сейчас нелепо, не по-американски...

«Однако в Перл-Харборе уничтожили изрядную часть Тихоокеанского флота, а при Булл-Ран армия Севера в панике бежала», — подумал Мэтт.

В любом случае сейчас никакой войны не было. Было нечто иное, доселе неведомое.

Рэйчел крепко прижалась к нему.

— Страшно? — спросил он.

Она кивнула.

— Ничего. Всем немного страшно.

Она вцепилась в его руку, и Мэтт почувствовал прилив злости.

«Черт тебя побери, — мысленно обратился он к пустому небу. — Не смей, черт побери, пугать мою дочь».

¹ Сражения при реке *Булл-Ран* (21 июля 1861 г. и 28–30 августа 1862 г.) — два крупных сухопутных сражения времен Гражданской войны в США. Оба закончились победами армии Конфедерации и разгромом федеральных войск.

Под весенними звездами голос президента звучал громко и непривычно.

— Наши ученые доказали, что с момента зарождения жизни на этой планете мы прошли долгий эволюционный путь. Наши гости, кем бы они ни были, наверняка тоже его прошли. Вероятно, мы выйдем для них настолько же необычно, как они — для нас. А может, и нет. Возможно, они считают нас сородичами. Дальними родственниками. Быть может, очень дальними, но не чужими. Надеюсь, что это так.

«Откуда тебе знать?» — подумал Мэтт.

Предположение было благонамеренным, оптимистичным, но на самом деле никто ничего не знал.

Неподалеку открылась и захлопнулась раздвижная дверь. На улицу вышла соседка, Нэнси Косгроув. Под желтым фонарем, светившим во дворе Косгроувов, ее кожа выглядела бледной и нездоровой. Она налила молока для Пушинки, их толстой пятнистой кошки, которой нигде не было видно.

— Привет, — грустно сказала Рэйчел.

Миссис Косгроув кивнула в ответ, остановилась и подняла голову.

— Когда я был маленьким, — продолжил президент, — мы с родителями провели одно лето в Адирондаке. Там, у реки, у нас была хижина. Широкая, неторопливая река — жаль, название забыл. Тогда мне было десять лет. Казалось, что мы там одни, оторваны от цивилизации, насколько возможно. Но река удивила меня. Нет, там не было людских толп... но вдоль берега то и дело проходили путешественники, а по стремнине проносились одинокие гребцы в каноэ. Поначалу я стеснялся незнакомцев, но потом научился улыбаться и махать, а они всегда улыбались и махали в ответ. Иногда они задерживались у нас, чтобы перекусить или выпить чашечку кофе. Мы никому не отказывали. — Президент взял паузу, и на миг в воздухе было слышно лишь кваканье лягушек из холодных болот в низине. — Я считаю, что наша Земля подобна той хижине. Мы много лет жили одни, но выяснилось, что мимо нашего жилья бежит река и по этой реке кто-то путешествует. Мы тут же стремимся отстраниться, ведь за долгие годы одиночества мы стали немно-

го застенчивыми. Но в то же время мы чувствуем желание улыбнуться, поприветствовать незнакомцев, поверить в их добрые намерения. В этом наша сила. Это желание позволит нам преодолеть этот переломный момент, и я призываю вас взрастить его в ваших сердцах. Верю, когда-нибудь историки напишут о нашем времени и скажут, что мы были щедрыми и открытыми и что конец света, которого так опасались, стал началом новой дружбы. Я призываю всех вас...

Слова президента заглушил изумленный возглас Рэйчел. Нэнси Костроув выронила бутылку молока, и та вдребезги разлетелась о каменную плитку. Мэтт уставился на небо.

На западе, над горизонтом, сразу за пихтами начал подниматься округлый силуэт белого, как кость, корабля пришельцев.

Больше всего на свете Мэтт Уилер любил свою дочь, свою работу и орегонский городок Бьюкенен, где он жил.

Глядя на голую необъятную махину, воспарившую над деревьями, заслонившую собой Орион и направившуюся в сторону Близнецов, он вдруг пришел к выводу: все это в опасности.

Пришедшая мысль была порождением животного страха перед неведомой штуковиной в небе, и Мэтт всячески гнал ее прочь.

Но она возвращалась. Все, что он любил, было хрупким. Все, что он любил, могло погибнуть из-за этой новой безымянной луны.

Эта мысль была навязчивой. Эта мысль была верной.

Прошел год.

часть первая

Новая луна

Глава 1

АВГУСТ

Колонка «Взгляд из Вашингтона», одновременно опубликованная в нескольких изданиях. Выпуск от 10 августа (вырезка из альбома мисс Мириам Флетт, Бьюкенен, Орегон):

Несмотря на приближающиеся выборы, конгресс и президентская администрация по-прежнему заняты обсуждением чрезвычайного происшествия, которое отдельные лица называют «Контактом».

Мы называем это «Контактом», но, как заметил на прошлой неделе сенатор Рассел Уэлланд (Р., Айова), происшествие примечательно тем, что никакого контакта до сих пор не случилось. Космический корабль, если речь идет действительно о нем, кружит над Землей уже больше года, не посылая никаких сигналов. Он подал признаки жизни лишь один раз, сбросив на наши крупные города сооружения, которые смело можно назвать памятниками нашим бесполезным средствам ПВО. Зачем они нужны — загадка. На нашу планету будто вторглись инопланетные мимы, чокнутые, но могущественные.

По крайней мере, к этой мысли подталкивают общепринятые представления. В Городе Сплетен никому нельзя верить на слово. Недавние международные встречи на высоком уровне, включая несколько оставшихся без внимания прессы поездок госсекретаря, породили подозрения, что до реального «контакта» недалеко. Согласно неофициальным источникам в Белом доме, уже больше недели страна обменивается секретной информацией с Германией, Россией, Китаем и другими странами. Совпадение?

Кто знает? Очевидно, что-то происходит. И лидеры обеих партий в конгрессе требуют, чтобы их посвятили в курс дела.

После того как гигантская инопланетная машина припарковалась на околоземной орбите, прошел год с хвостиком. Мэтт Уилер целый вечер раздумывал, как пригласить Энни Гейтс на вечеринку, которую он устраивал в пятницу.

Вопрос был не в том, приглашать или нет, — разумеется, он собирался ее позвать, — а в том, как это сделать. Точнее, что это приглашение будет означать для их дальнейших отношений и будет ли?

С этими мыслями он вымыл руки и приготовился принять двух оставшихся пациентов.

В небольшом городке вроде Бьюкенена врач нередко лечит людей, с которыми устраивает пикники на заднем дворе. Его последними пациентами были Бет Портер, дочь Билли, который тоже иногда наблюдался у него, и Лиллиан Бикс, жена его друга Джима.

Женщины, Бет и Лиллиан, сидели по краям дивана в приемной, напоминая плохо подобранные половинки книжной обложки. Лиллиан листала «Ридерз дайджест» и то и дело шмыгала носом в платок. Бет тупо смотрела в стену, погруженная в музыку, если можно было назвать таковой ритмичный лязг — точно кто-то барабанил по жестяной форме для пирога, — раздававшийся в наушниках плеера. Еще пара лет, и Мэтту придется лечить ее от тугоухости.

Девушка была первой в очереди.

— Бет, — позвал ее Мэтт.

Та продолжала витать в облаках.

— Бет. Бет!

Девушка неприязненно скривилась, будто ее только что грубо разбудили. Узнав Мэтта, она смягчилась, выключила кассетный плеер и сняла наушники.

— Спасибо, — сказал Мэтт. — Входи.

Бросив взгляд назад, он увидел, как Энни Гейтс с папкой в руках вышла из своего кабинета и посмотрела на Бет, потом

на Мэтта. «Удачи!» — как бы говорил ее взгляд. Мэтт ответил улыбкой.

На Энни Гейтс был белый врачебный халат, на шее висел стетоскоп. В отличие от Бет и Лиллиан, Мэтт с Энни сочетались превосходно. Они были деловыми партнерами. Профессионалами. Кажется, он был в нее влюблен. Влюблен уже почти десять лет.

Мэтт Уилер был врачом общей практики и работал в этом здании пятнадцать лет. Он вырос в Бьюкенене, здесь же у него развилась, как он сам говорил, «тяга к медицине», и после обязательной практики в больнице Сиэтла и сдачи экзамена он вернулся в Бьюкенен, чтобы открыть частную клинику. Тогда его партнером был Боб Скотт, темноволосый нервный денверец, с которым они вместе стажировались. Они взяли в аренду помещение с тремя кабинетами и приемной на седьмом этаже Маршалл-билдинг, песчаникового здания времен Гувера, стоявшего на перекрестке Марина-стрит и Гроув-стрит.

Мэтт с коллегой прекрасно понимали все нюансы семейной практики — точнее, думали, что понимают. Деньги делались на узкоспециализированных случаях, на процедурах. А вот сама семейная практика была настоящей морокой. Дело было не только в пациентах — к этому оба были готовы. А вот возня со страховками и государственными программами медицинской помощи, бумажная волокита... со временем необходимость заниматься этим возросла многократно. Сославшись на тоску по большому городу, доктор Скотт сдался и в 1992 году уехал в Лос-Анджелес. Мэтт слышал, что он работал в пункте медицинской помощи в торговом центре — таких называли «будкодоками». Бывай, морока. Бывай, независимость.

Мэтт превозмогал трудности. Он не представлял себе жизнь за пределами Бьюкенена, не мог вообразить, какая работа доставляла бы ему больше удовольствия, — главное, чтобы ему не мешали ее выполнять. Вскоре после отъезда Боба умерла Селеста, и возросший спрос на его услуги, возможно, помог ему справиться с утратой.

Замена Бобу Скотту нашлась в июне того же года: девушка-интерн по имени Энн Гейтс. Мэтт не предполагал, что женщи-

на захочет стать его партнером по бизнесу — особенно молодая блондинка в офисной юбке и очках в черной оправе, из-за которых ее глаза напоминали совиные, а на лице появлялось строгое и торжественное выражение. Он сразу предупредил, что работать придется подолгу, что нужно обзванивать пациентов, подрабатывать в местном пункте неотложной помощи и не ждать большого вознаграждения. «У нас не как в городе», — сказал он, вспоминая побег Боба Скотта и не сводя глаз с юбки-гармошки.

На это Энн Гейтс ответила, что выросла на ферме в прериях Южной Манитобы, что прекрасно знает, какова жизнь в маленьких городках и что Бьюкенен, будь он неладен, не такой уж и маленький (но с виду вполне приличный). Она справилась с больничной практикой в гетто, где в неотложку регулярно привозили людей с огнестрельными и ножевыми ранениями, а также наркоманов, не рассчитавших дозу. Она прошла через эти испытания, не утратив веру в краеугольные принципы медицины, а что касается «вознаграждения», то ей вполне хватит жилия без тараканов, чуть больше пяти часов сна в неделю и хотя бы нескольких пациентов, которых не стошнит на нее прямо на пороге кабинета.

Так у Мэтта появился новый партнер.

Они проработали вместе почти год, прежде чем начали узнавать друг друга как люди. Мэтт все еще приходил в себя после смерти Селесты и в это грустное время отмечал лишь невероятное мастерство Энн Гейтс в области оптической ректороманоскопии¹, процедуры, к которой он сам испытывал страх и отвращение, и ее неуверенность при столкновении с черепно-мозговыми травмами. Они стали брать пациентов, принимая в расчет собственные умения и слабости; почти все пожилые пациенты Мэтта перешли к Энн, а он, в свою очередь, стал больше заниматься с детьми. Но она была женщиной, а он — вдовцом и порой понимал, какой результат может оказаться у этого несложного уравнения. Чтобы отметить годовщину ее приезда в Бьюкенен, Мэтт пригласил Энн поужинать в «Траулер», ресторан

¹ *Ректороманоскопия* — метод медицинской диагностики, при котором производится визуальный осмотр слизистой оболочки прямой кишки.

у пристани. Мягкотелые крабы, лук-шалот в масле, «маргарита» и полный запрет на обсуждение работы. К концу вечера он уже звал ее «Энни». А через неделю они переспали.

Почти целый год прошел в пылких романтических отношениях. Затем они охладели друг к другу: не ссорились, но все реже устраивали свидания, реже спали вместе. Затем — полгода прежней страсти. Затем — новый перерыв.

Все это они не обсуждали. Мэтт не знал, по чьей вине, его или ее, происходят такие перепады. Но картина была ему ясна. С тех пор как Энни Гейтс впервые переступила порог его кабинета, прошло почти десять лет. Виски Мэтта поседели, на голове появились залысины, а в уголках глаз Энни образовались морщинки. Десять лет пролетели как миг, и ни разу за это время нельзя было сказать, что они расставались... или были вместе.

В последнее время в их отношениях вновь образовалась пустота, и Мэтт гадал, как Энни воспримет приглашение на пятницу. Как формальную любезность? Или как предложение провести вместе ночь?

И чего хотелось Мэтту?

Ответа он так и не нашел.

Он проводил Бет Портер в кабинет, напротив кабинета Энн.

Кабинет был крепостью Мэтта, которую возвел он сам. Главными предметами мебели были подлинные дубовые шкафы Викторианской эпохи, купленные на аукционе в 1985 году. За столом стояло скрипучее кожаное кресло, на котором четко отпечатывалась его задница. Окно выходило на город, вдаль виднелись душная гавань и море.

Бет Портер уселась на стул. Мэтт поправил жалюзи, чтобы спрятаться от послеобеденного солнца. Недавно Энни поставила в своем кабинете вертикальные жалюзи с тканевым покрытием, которые казались Мэтту нелепыми. Его внутренний голос вещал: «Традиции!» Внутренний голос Энни отвечал: «Прогресс!» Может быть, эти незримые противоречия и отдаляли их друг от друга.

Впрочем, сегодня он только о ней и думал.

Усевшись в кресло, он посмотрел на Бет Портер.

Прежде чем пригласить девушку, он изучил ее медицинскую карту. Бет наблюдалась у Мэтта со своего одиннадцатого дня рождения; мать буквально силой приволокла ее в приемную, хмурого ребенка в картонном колпаке, с распухшим, огромным, как тыква, лицом. В перерыве между тортом и мороженым Бет каким-то образом потревожила гнездо шершней во дворе дома. Аллергическая реакция началась так внезапно и была настолько сильной, что мать даже не успела снять с дочери шапку. Веревочка плотно врезалась в распухший подбородок.

Это было девять лет назад. С тех пор Мэтт видел ее лишь изредка, а с пятнадцати лет она и вовсе перестала приходить. Еще одна проделка времени: Бет больше не была ребенком. Она превратилась в пухленькую, но достаточно привлекательную двадцатилетнюю девушку, которая выпячивала свою сексуальность в знак протеста. На ней были синие джинсы и тесная футболка. Когда воротник опускался, Мэтт замечал под левым плечом что-то синее. Боже правый, татуировка!

— Бет, с чем пожаловала?

— У меня простуда, — ответила девушка.

Мэтт сделал вид, что записывает. За годы практики он понял, что люди чаще делятся подробностями, когда ты держишь ручку. Белый халат тоже был нелишним.

— Сильная?

— Ну... не особенно.

— Что ж, обычное дело. На этой неделе все простужены. — Это было правдой. Энни пришла на работу, хлюпая носом. Лиллиан Бикс в приемной всеми способами сдерживала соплю. Самому Мэтту пришлось в обед принять антигистаминное средство. — От простуды лекарств нет. В груди не давит?

— Немного, — помешкав, кивнула Бет.

— Давай послушаем.

Бет нервно выпрямилась. Мэтт принялся прикладывать стетоскоп к ее спине. Застоя в легких не было, и он не сомневался, что визит вовсе не связан с простудой. Слушая легкие, он просто налаживал отношения «врач — пациент». Устанавливал медицинскую близость. Он пощупал горло, отметил, что лимфоузлы немного увеличены — твердые камушки под плотью, — и насторожился.

— Ничего необычного, — заключил он, облокотившись на край стола.

Бет потупила взгляд. Кажется, она не удивилась.

— Бет, у тебя есть жалобы, помимо простуды? Тебя беспокоит что-то еще?

— Похоже, гонореей подцепила, — призналась Бет Портер. Мэтт записал.

К удивлению Мэтта, симптомы она описала не краснея.

— Прошерстила медицинскую энциклопедию, — добавила она. — Очень похоже на гонорее, а это вроде штука серьезная. Вот записалась. Что думаете?

— Думаю, диагноз подтвердится. Может, тебе во врачи пойти?

Бет улыбнулась.

— Узнаем больше, когда получим результаты тестов, — добавил Мэтт.

— Каких тестов? — Улыбка девушки померкла.

Мэтту пришлось позвать Энни, чтобы та отвлекала Бет, пока он берет мазок. Не обошлось без привычной шутки про гинекологическое зеркало в морозилке. Энни расспрашивала Бет о работе в «Север-Илевер», которая, по словам Бет, была страшно скучной. Продавать замороженные пирожки и буррито почти до полуночи и возвращаться домой с менеджером, когда на дорогах остаются одни лесовозы и фуры.

Мэтт взял мазок и наклеил метку. Бет сползла со стола. Энни отправилась по своим делам.

— Когда будет результат? — спросила Бет.

— Если в лаборатории нет аврала, то завтра к вечеру. Я позвоню.

— Домой?

Мэтт понял намек. Бет все еще жила с отцом, регулярно наблюдавшимся у Мэтта по поводу хронического простатита. Билли Портер был нормальным мужиком, но немногословным и консервативным — снисхождения к дочери от него ждать не стоило.

— Могу позвонить на работу, если номер дашь.

— А если я сама позвоню?

— Без проблем. Давай часа в четыре? Предупрежу администратора, чтобы тебя со мной соединили.

Это ее успокоило. Она кивнула и принялась засыпать Мэтта вопросами. Что, если это правда гонорея? Сколько придется принимать антибиотики? Нужно ли говорить ее... любовнику?

Ответы она выслушала внимательно. Без кассеты в плеере Бет Портер производила впечатление вполне разумной девушки.

Разумной, но, как раньше говаривали психиатры, «проблемной». Переживающей непростую пору в своей жизни. И уставшей от этого, судя по утомленному прищурю глаз.

Ей было двадцать, но выглядела она одновременно и намного старше, и намного младше.

— Если хочешь поговорить... — начал он.

— Нет, не хочу. Спасибо вам. Обещаю принимать все лекарства и следовать всем указаниям. Но обсуждать это не хочу, — немного холодно ответила Бет.

— Ясно, — ответил Мэтт. — Не забудь завтра позвонить. Потом, вероятно, придется зайти за рецептом. А после курса лечения явишься на повторный осмотр.

— Спасибо, доктор Уилер, — с пониманием ответила она.

Мэтт проставил дату в ее карточке и убрал карточку в корзину с пометкой «выполнено». Затем вымыл руки и вызвал Лиллиан Бикс, последнюю пациентку.

У Лиллиан уже давно не случилось месячных, и она решила, что беременна.

Эта тридцатидевятилетняя женщина была замужем за лучшим другом Мэтта. Разговор вышел откровенным, пусть и немного неуклюжим. Лиллиан стеснялась и запинаясь, но в конце концов изложила суть. Мэтт выдал ей баночку для анализов и направил в туалет. Лиллиан покраснела до кончиков ушей, но выполнила указание. Когда она вернулась, Мэтт наклеил на баночку ярлык «ХГЧ»¹.

¹ ХГЧ (хорионический гонадотропин человека) — гормон, вырабатывающийся у женщин после оплодотворения яйцеклетки и являющийся одним из главных показателей развития беременности.

Лиллиан сидела напротив, держа на коленях сумочку. Мэтт часто думал, что Лиллиан — воплощение слова «маленький». Она сама была маленькой, ее сумочка была маленькой, ее присутствие было почти незаметным. Может, поэтому она была так счастлива в браке с Джимом Биксом, шумным здоровяком, а тот, в свою очередь, был невероятно увлечен своей женой.

За долгие годы брака у них не появилось детей, но Мэтт эту тему не поднимал. Теперь, облаченный в белую врачебную броню, он спросил Лиллиан, намеренно ли они избегали зачатия.

— Вроде того, — задумчиво ответила та. — Ну, скорее так хотел Джим. Он всегда... ну, сам понимаешь. Предохранялся.

— И ты не возражала?

— Нет.

— Но контрацепция — не гарантия полной защиты.

— Знаю, — кивнула Лиллиан.

— Что будешь делать, если выяснится, что ты и вправду беременна?

— Обрадуюсь. — Ее улыбка была искренней, но немного вялой. — Я давно к этому готовилась.

— Всерьез готовилась? К подгузникам, ночному кормлению, ободранным коленкам, растяжкам на коже?

— Когда нужно, ко всему привыкаешь. Мэтт, я понимаю. Но я действительно представляла, как стану матерью, часто представляла.

— А с Джимом уже обсуждала?

— Даже не намекала. Не хочу говорить, пока не будет точно известно. — Ее глаза под тонкими бровями посмотрели на Мэтта с беспокойством. — Ты ведь ему не скажешь?

— Не скажу, если сама не попросишь. Врачебная тайна.

— Даже между врачами?

— Это как воровская честь.

Лиллиан снова улыбнулась. Улыбка мелькнула и угасла.

— Вы ведь постоянно обедаете вместе.

Джим работал в клинике гистологом. Они с Мэттом познакомились еще на подготовительных медицинских курсах и регулярно обедали в китайском кафе на Гроув-стрит, в двух кварталах от клиники.

Оглавление

Пролог	7
Часть первая. НОВАЯ ЛУНА	13
Часть вторая. ОДИН ИЗ ДЕСЯТИ ТЫСЯЧ	83
Часть третья. БАБЬЕ ЛЕТО	199
Часть четвертая. ЖАТВА	329
Эпилог	443